

М.В. Смирнова-Сеславинская, Г.Н. Цветков. Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование. Монография. София; М., 2009. 830 с.

Издание подготовлено сотрудниками Лаборатории культуры ромов (цыган) Федерального института развития образования (ФИРО): Марианной Владимировной Сеславинской – кандидатом философских наук, заместителем заведующего отделом методологии и проектирования образования в полиэтнической среде, и Георгием Николасвичем Цветковым – старшим научным сотрудником того же отдела, цыганским литератором и общественным деятелем.

Вакуум в области отечественных исследований цыгановедческой тематики таков, что любая публикация не может остаться незамеченной. Тем более не могла не привлечь пристального внимания такая значительная по объему книга. Как сообщается в аннотации, тематические рамки монографии очень широки: «Уникальное

сочетание социально-антропологических научных подходов и глубокого знания цыганской этнической культуры позволило авторам вплотную подойти к разгадке происхождения цыган. Собранные в книге свидетельства исторических источников указывают на существование в древности на границе между современной Индией и Пакистаном государства, название которого происходит от древнего этнонима, сохранившегося в названии современных цыган: “ром” или “дом”. Материал, представленный во второй части книги, рассказывает об устройстве цыганской общины и индийских истоках древнейших традиций в культуре цыган: цыганского суда, представлении об осквернении и ритуальной чистоте, традиционных занятиях, о древневосточных истоках цыганского музыкального творчества и многом другом» (задняя крышка

перешлота). В процитированной выше аннотации компактно охарактеризовано содержание книги, затрагивающей несомненно широкий ряд проблем и предлагающей большой объем фактического материала по истории Индии, по культуре цыган (в большей степени этногруппы *ловарей*). Этот материал может оцениваться с разных точек зрения: с позиций этнологии, социальной антропологии, культурологии, нумизматики, археологии, музыковедения и т. д. Ниже мы остановимся только на оценке принципов использования лингвистических данных, которые широко применяются в рассматриваемом труде при обосновании тех или иных авторских гипотез в реконструкциях истории и уклада жизни проторомов (индийских предков европейских цыган).

Каждое поколение исследователей приходит в науку со своими притязаниями, но пренебрегать опытом прошлого небезопасно. Если он по каким-то причинам остался неучтенным, то даже выводы начала XXI века начинают напоминать «яфетические» параллели академика Н.Я. Марра, часто без блеска его несомненной эрудиции. Разберем немногие из примеров, представляющих собой произвольные, якобы «этимологические», сближения по созвучию, разбросанные в рецензируемом издании щедрой рукой.

Весьма спорным представляется указание на этимологическую связь древнеиндийского *śākhā* 'ветвь', литовского *šakà* 'ветвь', славянского *соха* 'ветвь с развилкой' и т. д. с цыганским *šengá* (sic!) 'рога' (с. 177), то есть с цыганским существительным *šing* 'рог животного'. Действительно, этимологи Р.Л. Тёрнер и Л. Мануш указывают иную параллель, не совпадающую с древнеиндийским *śākhā*, это санскритское *śṛṅga* (ср. р.) 'рог' [Turner 1966: 730; Manush 1997: 119].

Это лишь один произвольно выбранный пример. Однако за ним раскрывается целая система донаучного восприятия лингвистических данных на основе наивной абсолютизации собственной интуиции. Если авторы лаконичны, то и тогда подобные параллели не становятся более бесспорными. К примеру, при упоминании в работе индийском топониме *Лаччагир* (*Lachchagir*) имеется подстрочное примечание: «Ср.: *цыг. Лачи гира* – “хорошая молва”, “славная молва”» (с. 140, прим. 6). Сравним, следуя совету: а) индийский компонент *gir* с взрывным [g] и не указанным значением; б) цыганское слово, заимствованное из венгерского (*hír* [hi:r] 'новость'), например: кэлдэрарское «**гиро** (венг.) м [<мн.> гíруря] весть, известие» [П.С. Деметер, Р.С. Деметер 1990: 58] (с фрикативным *r* [h]). Связи здесь не обнаруживается. Что призвано доказать это сравнение, авторы не уточняют.

Еще пример смелой простоты решения: «Слово *карье* [*karje*] происходит от той же основы *индоар.<рийской> кар/кэр/кур* [*kar/ker/kur*], что и глагол *ром.<ский = цыганский> тэ курэс* [*te kures*] с широким спектром значений, в основе которого лежит обозначение механического повторяющегося действия» (с. 515). Значение составного глагола *тэ дав карье* – 'стрелять (1 л. ед. ч.)', значение глагола *тэ курэс* – 'ковать, бить, трахать (2 л. ед. ч.)'. Последний напоминает по многозначности русский глагол *трахать*, в частности означающий и 'совершать половой акт', чем и объясняется маскирующее наукообразие указания на «обозначение механического повторяющегося действия». Исторической связи здесь этимологи также не усматривают: первое от санскр. *kāṇṭaka-* 'thorn', 'anything pointed' <тёрн, нечто колючее> [Turner 1966: 133; Valtonen 1972: 60], второе от санскр. *kutṭ(ay)-* 'to press, to squeeze, to crush' <сжимать, сминать, раздавливать> [Turner 1966: 166; Manush 1997: 76]. Обоснование декларируемой авторами этимологической связи также отсутствует.

В дополнение к несуществующему румынскому слову *kelda*, на которое указали коллеги, приведенному вместо *căldăra* 'котел' (с. 508), добавим еще один пример. Румынское слово *păcat* 'грех' у уважаемых авторов представлено со знаком долготы «*pācat*» 'грех' (с. 483). Такой буквы (*ā*) нет в румынском алфавите. Это слово связывается с цыг. (кэлдэрарским) «пэкала (рум.): кэрав пэкала анда варэ-касте осрамить, очень оскорбить *кого-л.*» [П.С. Деметер, Р.С. Деметер 1990: 127] и проч. Однако при этом игнорируется идентичное цыганскому румынское *păcală* 'посмешище', которое и было заимствовано в готовом виде в некоторые цыганские диалекты. Его историческая связь с латинским *peccatum* 'грех', даже если бы и имела место, то за рамками цыганского языка.

Учет акцентологических особенностей слов позволяет четко разделять слой имен существительных исконно цыганского происхождения и заимствования европейского периода. По этой причине (даже без более детальной проверки аргументации) не может быть принято этимологическое сближение заимствования из румынского *vița* 'ответвление большой семьи' и глагольного корня индийского происхождения *bṛi* 'сядь' (с. 745).

Индийское *beṭī* 'девочка' [Turner 1966: 522] связывается с цыганским *bejato* 'дитя' (с. 658). Последнее также имеет акцентологические особенности европейского заимствования: румынское *băiat* 'мальчик'. Нам приходилось касаться индийского слова: «Однако исконный церебральный [t̪] дал бы в цыганском сонорный (вибрант), будь даже это слово и зафикси-

ровано» [Шаповал 2007: 125]. Для современного цыганского вероятен рефлекс *бэры.

Игнорирование объективных фонетических закономерностей уводит подобные сопоставления за пределы собственно лингвистического метода. Нельзя не вспомнить, что аналогичные концепции были характерны для художественного моделирования прошлого еще в эпоху романтизма. Например, Зенон Клеменсевич усматривал в методологически созвучных лингвистических упражнениях Адама Мицкевича отклик на историософские пристрастия начала XIX века, подчеркивая: «Trudno zataić, że te językoznawcze zainteresowania Mickiewicza wyrażają się w wielu wykolejonych pomysłach, stanowiących wytwór idealistycznej fantastyki lingwistycznej» <Трудно скрыть, что эти языковедческие увлечения Мицкевича находят выражение во множестве свособычных замыслов, приводящих к созданию идеалистической фантастики в лингвистическом ключе> [Klemensiewicz 1955: 324].

Невозможно игнорировать видимое противоречие между широтой замысла рецензируемого труда и недостаточной тщательностью проработки деталей. Небрежности частного характера препятствуют адекватному пониманию мысли, скрытой в формулировках. Это невольно заставляет вспомнить рекомендацию Сергея Довлатова: «Не пиши ты эпохами и катаклизмами! Не пиши ты страстями и локомотивами! А пиши ты... буквами – А, Б, В...» [Довлатов 1995: 22].

Так, затемняющим смысл является, например, вкрапление неизвестного происхождения: «женщина *edo*_{<,>} принимающая участие в его восприятии <sic!>» (с. 701). Поскольку *edo* нигде не разъясняется, то непонятно даже, как расставить знаки препинания, возможно, отсутствующие. Более широкий контекст также не проясняет это слово.

Весьма странно, что в таком солидном издании не только отсутствует собственный список условных сокращений, но и сокращения к обильно цитируемому сравнительному словарю индоарийских языков Р.Л. Тёрнера [Turner 1966] раскрыты крайне неаккуратно, например: «Aw авадхи ? | *awāṇ* авадхи ?»; «*Mth* маратхи, майтхили ??» (с. 738). Кому адресованы эти вопросы? Читателю? Или редактору? И что в таком случае рассчитывали доказать уважаемые авторы, не располагая сведениями о том, к материалу какого именно языка отсылают читателя?

Не вполне понятны источники неточностей в цыганском примере и/или русском переводе: *tě gras* ‘твой кони’ (похоже на ‘твой конь’, единственное число) (с. 369), *пэско пири* ‘свой горшок’ (надо: *пэски пири*, женский род) (с. 786). Термин родства ‘брат’ в севернорусско-

цыганском диалекте – *пшал* [ЦРС 1938: 113], но не *pshral* (с. 637). Такие ошибки мог допустить человек, для которого цыганский язык не является родным.

Иногда наблюдаются текстологические феномены, которые иначе как отсутствием необходимой правки в компьютерном переводе объяснить не представляется возможным: «молодое животное *lex*-отношения» (с. 777). Еще один пример необъяснимого словоупотребления также в переводе: «Другой автор, Грелльманн, сторонник курса насильственной ассимиляции в Европе, объяввший нищенское положение цыган их отказом от интеграции, приводил доводы в пользу их происхождения от низко-кастового населения Индии, или шудр» (с. 723–274). Видимо, объявлявший.

Сегодня общезвестно, что такое конфликт кодировок. Так, в цитате из словаря М. Фасмера «сербохорв. јуџнац, род. п. јуџнца “бычок”, јуџница “телка”» (с. 687) не приведены к нормальному виду знаки ударения. Опять возникает вопрос, кому адресуется цитата в таком виде. Человеку, знающему сербский, она доставит неудобства при чтении, а незнающего просто дезинформирует. Можно в этом винить компьютер, однако эти недочеты мешают оценить глубину мысли авторов, даже если они выше этих мелочей.

Имеются опечатки даже в названии этнической группы цыган: «*Ловря – Чокеци*» (с. 541), следует читать *Ловáря*. Примечательно, что данный фрагмент цитируется по изданию, где все было напечатано правильно: «*Ловаря-чокеци*» [Цветков 2008: 475].

В былые времена авторы готовы были отвечать за каждую написанную ими букву, как Джордано Бруно. Сегодня же часть рутинной работы выполняет техника. Довольно рискованно брать на себя ответственность за надпись на неизвестном языке, изобретенном сканером: «*Rayners.A. Tsgane heureux situeelibre!* Ed. UNESCO, 1988» (с. 500). Этот (или похожий) автор (Alain Rcyniers) действительно издал книгу с несколько сходным названием, но на 10 лет позже. Так что читателю, немного знакомому с французским, остается только гадать, отчего «счастлив цыган» в приведенном названии книги и отчего в монографии на русском языке оставлены без перевода пояснения к фотографиям.

Опечатки также сигнализируют о ненадлежащем качестве научного текста: *Introdaction* (с. 723) = *Introduction* ‘введение’. По-русски принято транслитерировать фамилию *Rüdiger* как *Рюдигер*, а не «Рудигер» (с. 723). Довольно нелегко найти упоминаемую в библиографии, но не существующую книгу одного из основоположников классической индоевропеистики

А.Ф. Потта (A.F. Pott), название которой начинается якобы со слова *Zigeunerin* 'цыганка' (с. 661). Не представлена на картах упоминаемая вскользь «Клинская область» (с. 467). К сожалению, каждый из приведенных примеров не является единственным в своем роде.

Подобных недочетов при анализе текста на «микроуровне» выявляется немало. Их непреодолимая дискуссионность приводит к тому, что и те положения, которые они призваны подтвердить на «макроуровне», повисают в вакууме. Эти небрежности не кажутся факультативной деталью, поскольку и изложение в целом несет на себе печать недомолвок, которая не позволяет читателю уяснить, к каким же конечным выводам приходят уважаемые авторы в каждой из пространных глав своего монографического труда.

Так, остается неясной позиция авторов по одному из вопросов, заявленных ими в качестве ключевых: как соотносятся трактовки первообразной семантики слова (или одного из ряда слов), связываемого с самоназванием европейских цыган *ром/пром*: *ko-dumba/ku-dumba* «обозначает семью, родовую группу» (с. 51), *koṭumbara/kodumbara* 'сукно' (с. 170), или *Udumbara* 'фиговое дерево (*Ficus glomerata*)' (с. 155, 164, 180). Кроме того, последнее далее связывается «с тотемным названием *дом/домба* [*Dom/Ḍom̐ba*] > *удумбара* [*Uḍumbara*]» (с. 703), а именно: название дерева произведено от тотемного названия народа, судя по указанному направлению деривации. Этот исключительный случай достоин как детального рассмотрения, так и явно более тщательной аргументации, а не просто упоминания в качестве чего-то очевидного для авторов. Кроме того, то же слово (или одно из ряда слов) *Oḍumbara* трактуется еще и как название страны/государства (с. 145, 161 и сл.). Последнее также исторически связывается с автоэтнонимом европейских цыган *ром/пром* (с. 146), но и его соотношение с названиями дерева или сукна, безусловно, заслуживает более тщательного освещения, которого читатель также не обнаруживает.

Многие цыгановеды сегодня с обеспокоенностью констатируют, что «беспрецедентное увеличение количества публикаций, особенно монографий в 90-е годы» [Matras, Bakker, Kyuchukov 1997: X] (пер. А.Ю. Русакова) сосуществует с параллельной тенденцией к обнародованию не вполне убедительных построений весьма широкого концептуального размаха. Именно вторая тенденция, к сожалению, весьма заметна в странах СНГ по причине отсутствия научной школы в цыганологии и вообще каких-либо проектов просвещения цыган, выходящих за рамки любительства и филантропии-

ческих инициатив. Некоторые недочеты недавних изданий, которые целесообразнее считать скорее лишь выражением художественного мироощущения их авторов, а не изложением научно обоснованных концепций, объясняются именно этим накопившимся дефицитом. Не является в полной мере исключением и рассмотренная книга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990 – *Р.С. Деметер, П.С. Деметер*. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэарский диалект). 5300 слов / Под ред. Л.Н. Черенкова. М., 1990.
- Довлатов 1995 – *С. Довлатов*. Собрание прозы: В 3 т. Т. 2. СПб., 1995.
- Цветков 2008 – *Г.Н. Цветков*. История и социальное развитие цыган-ловаря // Наукові записки Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Т. 15. Роми України: із минулого в майбутнє. Київ, 2008. (В оглавлении: Ловаря и ромская социальная культура.)
- ЦРС 1938 – Цыганско-русский словарь / Сост. А.П. Баранников, М.В. Сергиевский. М., 1938.
- Шаповал 2007 – *В.В. Шаповал*. Цыганские элементы в русском воровском арготизме (размышления над статьей акад. А.П. Баранникова 1931 г.) // ВЯ. 2007. № 5.
- Klemensiewicz 1955 – *Z. Klemensiewicz*. Jaka rolę i dzięki czemu odegrał Mickiewicz w rozwoju języka polskiego? // *Język polski*. T. XXXV. № 5. 1955.
- Matras, Bakker, Kyuchukov (eds.) 1997 – *Y. Matras, P. Bakker, H. Kyuchukov* (eds.). The typology and dialectology of Romani (Current issues in linguistic theory, 156). Amsterdam, 1997. (Рец. А.Ю. Русакова см.: <http://www.genlingnw.ru/person/Rusakov.htm>.)
- Manush 1997 – *L. Manush*. Romany-Latvian-English etymological dictionary. Riga, 1997.
- Turner 1966 – *R.L. Turner*. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London; New York; Toronto, 1966 (<http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas>).
- Valtonen 1972 – *P. Valtonen*. Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1972.

В.В. Шаповал

Сведения об авторе:

Виктор Васильевич Шаповал
Московский городской педагогический университет
lilorol@yandex.ru